

А. Д. Некипелов¹**ПРОТЕКЦИОНИЗМ ИЛИ СВОБОДНАЯ ТОРГОВЛЯ: ЛОЖНАЯ ДИЛЕММА**

Вечный вопрос: «Протекционизм или свободная торговля?» — получил, казалось бы, однозначный ответ в последние три десятка лет. С одной стороны, технологический прогресс содействовал ускорению ин-

тернационализации производственной деятельности, размывая границы между внутринациональным и международным разделением труда. С другой — мощный импульс процессу глобализации мировой экономики придавал тот факт, что рыночная экономика стала универсальной формой организации хозяйственной жизни на планете после ухода в небытие централизованно управляемых социалистических экономик. Предполагалось, что последнее обстоятельство создает необходимые социально-экономические предпосылки для быстрого повышения степени однородности мирового экономического пространства. По большому счету основная задача виделась в неуклонном осуществлении мер так называемой «негативной интеграции», сопряженных с последовательным снятием ограничений, со-

¹ Директор Московской школы экономики МГУ им. М. В. Ломоносова, академик РАН, доктор экономических наук, профессор. Автор более 200 научных публикаций, в т. ч. книг: «Очерки по экономике посткоммунизма», «Становление и функционирование экономических институтов: от “робинзонады” до рыночной экономики, основанной на индивидуальном производстве», «Центральная и Восточная Европа во второй половине XX века» и др.; статей: «Макроэкономическая политика в условиях глобализации: опыт современной России», «О природе современных глобальных процессов: размышления экономиста» и др. Член Научного совета при Совете безопасности РФ. Награжден орденами Почета, «За заслуги перед Отечеством» IV степени. Почетный доктор СПбГУП.

храняющихся на пути транснационального перемещения факторов производства.

Конечно, специалисты обращали внимание и на преграды, способные замедлять процесс глобализации. Основные проблемы виделись в неравномерном распределении между странами выгод и издержек, возникающих при всесторонней либерализации хозяйственной жизни. Признавались вызовы, прежде всего для социальной сферы, проистекающие из опасности возникновения институционального вакуума в ходе дерегулирования хозяйственных процессов в национальных рамках. Многочисленные исследования были посвящены мировой валютно-финансовой системе, перспективам ее эволюции. Господствующая позиция, однако, заключалась в том, что все эти проблемы не могут стать непреодолимым препятствием на пути исторического процесса глобализации. Решения виделись и в укрупнении структуры мирового хозяйства за счет формирования и развития региональных интеграционных группировок, и в согласовании национальных экономических политик, и в формировании меж- и наднациональных структур управления.

До недавнего времени справедливость такого подхода не вызывала особых сомнений ни в экспертном сообществе, ни у государственных деятелей подавляющего большинства стран. И это неудивительно: столь убедительными казались свидетельства триумфального процесса глобализации. До мирового финансово-экономического кризиса 2007–2009 годов происходило быстрое наращивание транснациональных потоков товаров, услуг, капитала. Очевидным было усиление экономической взаимозависимости государств: достаточно сослаться на то, с каким напряженным вниманием во всем мире следят за экономическим развитием Китая, ставшего в последние десятилетия двигателем мировой экономики. Все возрастающую роль в функционировании мировой экономики приобретали транснациональные структуры, число которых составило в 2008 году 82 тыс.¹ По нарастающей шло развитие интеграционных процессов в разных частях мира. Только инициированные Соединенными Штатами Америки проекты Транстихоокеанского и Трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства должны были прочно связать экономическими узами государства, на которые приходится основная часть мирового производства и торговли. Наконец, неуклонно формировались все новые элементы глобальной системы управления экономикой — межгосударственные соглашения, регулирующие различные стороны международных экономических отношений, разветвленная система международных экономических организаций, создание групп государств (G-2, G-7, G-20), в рамках которых происходит согласование как стратегических установок, так и экономических политик.

Однако в последние годы появились очевидные признаки «пробуксовки» процесса глобализации. Выяснилось, что даже в чисто количественном отношении прогресс в сфере трансграничного перемещения това-

ров, услуг и капитала не является устойчивым: в посткризисные годы мы стали свидетелями его существенного замедления. Далеко не столь эффективной, как ожидалось, оказалась линия на либерализацию международных хозяйственных связей: ее побочными эффектами стали серьезнейшие кризисы, с которыми столкнулась мировая экономика, в первую очередь в финансовой сфере. То одни, то другие государства оказываются не удовлетворены влиянием международных экономических процессов на их хозяйственное развитие и прибегают к защитным мерам. Ситуация усугубляется тем, что отдельные группы стран грубо нарушают универсальные международные договоренности, вводя в одностороннем режиме такие препятствующие глобализации меры, как экономические санкции. Под ударом оказался и ряд крупнейших интеграционных инициатив. Так называемый *Brexit* ознаменовал начало нового этапа ранее наметившегося кризиса в рамках Европейского Союза. Заявленные планы нового руководства США представляют недвусмысленную угрозу для интеграционных проектов на территории Северной Америки, трансокеанических партнерств и в определенной степени — для ЕС.

Неожиданно оказалось, что угроза глобализационным процессам исходит сегодня от стран, принадлежащих к развитому миру, в то время как Китай, Индия и Россия высказывают серьезные опасения по поводу быстрого распространения протекционистских настроений. А ведь совсем недавно именно развитые страны активно убеждали всех, что всемерная либерализация хозяйственной деятельности является единственным путем к процветанию.

В чем же причина столь парадоксального развития событий?

На поверхности лежит объяснение, увязывающее кризис глобализационного проекта с ролью сугубо политических факторов. Дескать, проблемы, с которыми сталкивается мировая экономика, обусловлены конкретными действиями отдельных государств, а последние являются политическими, а не экономическими субъектами. Казалось бы, этот вывод можно подкрепить и такой аргументацией. Если бы каким-то чудесным образом удалось отказаться от национальных государств, создать мировое правительство и ввести единую мировую валюту, то никаких препятствий на пути «рациональной хозяйственной деятельности» в глобальном масштабе просто не осталось бы.

Такое объяснение, однако, мало что проясняет: ведь за действиями правительств стоят те или иные содержательные соображения, в том числе сугубо экономического характера. Попробуем под этим углом зрения рассмотреть причины кардинальных изменений, которые администрация Д. Трампа намеревается внести в экономическую политику США.

Известно, что результатом курса на всемерную либерализацию хозяйственной деятельности, проводившегося в течение последних десятилетий, стало коренное изменение структуры американской экономики: доля реального сектора в валовом внутреннем продукте упала значительно ниже 20 %. До тех пор пока вымывание промышленности сопровождалось ростом

¹ См.: Дегарден Б. Над глобализацией сгущаются тучи // Современные глобальные вызовы и национальные интересы : XVI Международные Лихачевские научные чтения, 19–21 мая 2016 г. СПб. : СПбГУП, 2016. С. 89.

экономического могущества страны за счет доминирования в сферах высоких технологий и финансов, такие тенденции не только не вызвали опасений, но, напротив, воспринимались как чуть ли не неотъемлемое свойство высокоразвитой («сервисной») экономики. Но вот «естественный», в смысле — сугубо рыночный, ход вещей привел к серьезному финансовому кризису 2007–2009 годов, поставившему под вопрос адекватность сформировавшейся мировой финансовой системы требованиям современной экономики. Финансовая отрасль вступила в полосу серьезного и, судя по всему, продолжительного кризиса. Это оказалось мощным ударом для стран, специализирующихся на предоставлении финансовых услуг. Конечно, правительство может со стороны наблюдать за происходящим, не вмешиваясь в действие рыночных сил. Однако такая политика крайне рискованна: перспективы восстановления в прежнем объеме финансовой отрасли весьма туманны, а перелив капитала в другие секторы национальной экономики сдерживается условиями международной конкуренции. В такой ситуации весьма вероятной становится длительная стагнация, сопровождающаяся растущей безработицей и падающим уровнем жизни населения. Стоит ли удивляться, что власти могут сделать выбор в пользу активного протекционизма, дающего возможность относительно быстро добиться возвращения на территорию страны ранее «эмигрировавших» из нее производств? Тем более если речь идет о правительстве ведущей страны мира, которое фактически может не опасаться сколько-нибудь соразмерного ответа от других государств.

Непосредственные причины брексита имеют иной характер: Великобритании перестали устраивать действующие в Европейском Союзе правила игры — миграционная, промышленная, налоговая политика, степень недовольства которой оказалась столь велика, что на второй план отошли преимущества, которые дает принадлежность к единому экономическому пространству стран ЕС.

Однако глубинная основа кардинальной смены курса в упомянутых случаях имеет общую природу: в Соединенных Штатах и Великобритании произошли серьезные изменения в понимании социального блага лицами, принимающими решения. То, что еще вчера представлялось выгодным для страны, сегодня воспринимается ими (а они убеждены, что и народом) как противоречащее общественным интересам.

Но можно ли быть уверенным в том, что речь в таких случаях идет об истинных интересах общества, а не о субъективных представлениях политиков, выступающих от его имени? Ответить на этот вопрос невозможно, не коснувшись «проблемы социального выбора». В конечном счете ее содержание сводится к поиску ответа на вопрос: существуют ли объективные условия для рационального поведения группы и если да, то какими чертами должны характеризоваться ее решения, отвечающие общему благу?

Дискуссия по этому вопросу идет уже не один десяток лет. Здесь нет возможности вдаваться в ее детали¹.

¹ См.: Некипелов А. Д. Становление и функционирование экономических институтов. От «робинзонады» до рыночной эконо-

Отметим лишь, что часто вопрос о групповом выборе существенно упрощается и ставится применительно к той или иной институциональной среде. В этом случае исследователь концентрирует свое внимание не на поиске лучшего с точки зрения интересов группы решения. Предметом интереса становится сам результат социального выбора в условиях заданных институциональных ограничений.

Основными правилами социального выбора, способствующими гармонизации индивидуальных предпочтений в отношении общих дел, являются основанные на голосовании демократические процедуры, а также рыночный механизм согласования индивидуальных интересов². Известно, что различные алгоритмы голосования широко применяются при принятии групповых решений. Однако со времен Кондорсе известен органический порок этого правила социального выбора: в зависимости от порядка постановки на голосование имеющихся альтернатив результаты голосования, проводимого по одной и той же процедуре, могут быть совершенно разными (так называемый парадокс голосования). Такое положение дел связано с тем, что механизм голосования не в состоянии выявлять интенсивность индивидуальных предпочтений в отношении имеющихся возможностей. В этом смысле рыночный механизм отличается от демократических процедур в лучшую сторону: интенсивность индивидуальных потребностей проявляется в различиях величин спроса, который одни и те же экономические агенты предъявляют при разных уровнях цен. Под рассматриваемым углом зрения состояние общего рыночного равновесия представляет собой точку³ согласования индивидуальных интересов, то есть такое положение, которое не желает изменить ни один из участников.

В условиях демократических процедур социального выбора упомянутые институциональные ограничения заключаются в принятом группой алгоритме голосования (простое или квалифицированное большинство, причем последнее может принимать неограниченное количество форм). Для рыночного механизма — а именно он нас здесь интересует — базовыми институтами являются: уважение частной собственности, признание свободы членов общества в заключении рыночных сделок, обязывающий характер предусмотренных в этих сделках условий. В отношении данных правил также должно существовать согласие членов общества. От того, в какой мере такое согласие достигнуто, зависит отношение членов общества к результатам действия рыночного механизма. Если граждане единодушны в признании базовых институтов рыночной экономики, то они будут рассматривать

мики, основанной на индивидуальном производстве. М. : Экономика, 2006. С. 233–272.

² «В условиях капиталистической демократии, в сущности, имеются два метода, при помощи которых совершается социальный выбор: голосование, которое обычно используется для принятия “политических” решений, и рыночный механизм, который обычно используется для принятия “экономических” решений» (Arrow K. Social Choice and Individual Values. 2nd ed. New Haven : Cowles Foundation, 1963. P. 1).

³ Мы здесь отвлекаемся от того, что в действительности таких точек может быть много (знаменитая теорема Мантеля–Зоннenschайна–Дебре).

состояние общего рыночного равновесия как социальный оптимум. Неприятие базовых институтов (например, негативное отношение к сложившемуся в обществе распределению собственности), напротив, будет вызывать недовольство результатами действия рыночного механизма.

Здесь важно зафиксировать следующее соображение. Поиск оптимального группового решения в условиях заданных институциональных ограничений с чисто логической точки зрения является ущербным в том смысле, что он приводит к замкнутому кругу рассуждений. Оказывается, что для того, чтобы согласовать общий подход к решению того или иного вопроса, члены группы должны предварительно договориться о том, каким образом они будут согласовывать вопросы, представляющие общий интерес¹. Но — за неимением лучшего — именно так люди в действительности и поступают. Именно поэтому институциональные структуры сохраняют свою силу до тех пор, пока члены группы согласны с результатами, получаемыми на их основе. Как только согласие исчезает, в действующие институты вносятся изменения. Если же такую коррекцию, в ходе которой также сталкиваются интересы членов группы, осуществить не удастся, то возможна дезинтеграция самой группы².

Что же касается рыночного механизма как инструмента социального выбора, то следует обратить внимание еще на следующие обстоятельства. В некоторых хорошо известных экономической науке случаях рынок дает сбой даже при абсолютном «пиетете» к его базовым институтам со стороны членов общества. Тогда рынок не может найти точку согласования интересов (читай: попасть в состояние общего равновесия), хотя таковая в принципе существует. Примерами являются провалы рынка в регулировании производства общественных благ, побочные эффекты от хозяйственной деятельности, а также сбой в согласовании интересов участников сделки в условиях асимметрии информации. Во всех этих случаях возникает — и это важно подчеркнуть — сугубо экономическая потребность во вмешательстве государства в аллокацию ресурсов.

Не менее важно следующее обстоятельство. Рынок является мощным инструментом выявления и согласования не всех, а только части индивидуальных предпочтений. Он слеп по отношению к интересам, выходящим за рамки сугубо эгоистических устремлений. Поэтому общее рыночное равновесие представляет собой точку согласования интересов так называемых «экономических людей» А. Смита; оно является их идеалом. Но для обычных людей, которых в большей или меньшей мере интересует не только собственное потребление, но и благосостояние других членов обще-

ства, общее равновесие совсем не обязательно является синонимом социального идеала. С учетом альтруистических настроений членов общества идеал будет в подавляющем большинстве случаев характеризоваться отличным от чисто рыночного размещением ресурсов. Это, в свою очередь, означает, что потребность во внесении коррективов в аллокацию факторов производства, складывающуюся на основе действия рыночного механизма, возникает (по крайней мере может возникнуть) не в результате «политических причуд», а по чисто экономическим мотивам.

Тезис об «экономической неотвратимости» все более полной глобализации хозяйственной деятельности был бы неоспорим только в том случае, если бы людей на планете не интересовало ничего, кроме личного потребления. Тогда следовало бы без всяких оговорок признать верной идею К. Маркса, что в буржуазном обществе частные интересы «разделяют каждую нацию на столько же наций, сколько в ней имеется взрослых людей»¹. Соответственно функции государства, выходящие за рамки обязанностей «ночного сторожа», должны были бы рассматриваться как явно избыточные, а потому и подлежащие устранению.

Но ситуация, как мы видим, существенно сложнее. В силу особенностей исторического процесса все страны характеризуются большим или меньшим культурным своеобразием, уходящим корнями в разделяемые его гражданами ценности. Большинство людей ощущают себя прежде всего гражданами своей страны и только потом — всего мира. Их представление о социальном идеале ассоциируется в первую очередь с состоянием Отечества и лишь затем — планеты.

Мировое хозяйство в этих условиях оказывается сложнейшей системой, в рамках которой взаимодействуют фирмы и потребители разных стран, транснациональные корпорации, национальные государства, международные экономические организации, международные интеграционные объединения. При этом национальные государства, международные интеграционные структуры являются не фантомными, а полноценными субъектами международных экономических отношений, претендующими на представление общих интересов своих граждан или стран. Тот факт, что эти интересы не поддаются однозначному определению, делает проблему еще более запутанной. Как было показано выше, формулирование национальных интересов (интересов интеграционных объединений) происходит не «вообще», а в определенных институциональных рамках, которые сами могут подвергаться изменениям под влиянием фактического хода событий.

В такой ситуации стремление опираться исключительно на призывы к свободной торговле и содействию «объективному» процессу глобализации хозяйственной жизни в лучшем случае оказывается неконструктивным, а в худшем — способно привести к серьезным конфликтам на международной арене. По большому счету, альтернативы тяжелой повседневной работе по согласованию интересов всех участников международного хозяйственного сотрудничества просто не существует. Разумно ожидать, что масштабы транснациональных потоков товаров, услуг и капитала будут и впредь иметь устой-

¹ «Выбор правила принятия решения сам является групповым выбором, и невозможно в позитивном духе обсуждать основы принятия решений социальной группой без тщательно сформулированных предположений в отношении правил. Здесь мы сталкиваемся с проблемой бесконечной регрессии» (*Buchanan J. M., Tullock G. The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy. URL: <http://www.econlib.org> (дата обращения: 03.01.2010).*)

² Показательные примеры такого рода есть в истории становления, жизни и распада многих государств.

чивую тенденцию к росту. Но при этом в одни периоды и в одних областях вполне могут преобладать тенденции к либерализации международных экономических отношений, в другие периоды и в других областях может брать верх тенденция к усилению их регулирования («протекционизму») на уровне отдельных госу-

дарств и их интеграционных объединений. Перспектива формирования однородного экономического пространства на территории всего земного шара явно неактуальна в обозримом будущем. В этом отношении вполне оправданным оказывается известный тезис: «Движение — все, конечная цель — ничто».

---

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46. Ч. I. С. 102.